

О предмете судебно-психиатрической экспертизы и не только (ответ на статью Ю.С. Савенко)

Шишков С.Н. к.юр.н., главный научный сотрудник

ФГБУ «Национальный исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
119991, Москва, Кропоткинский пер., 23

Автор для корреспонденции. Шишков Сергей Николаевич; e-mail: shishkov50@mail.ru

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила: 23.06.2018.

Для цитирования: Шишков С.Н. О предмете судебно-психиатрической экспертизы и не только (ответ на статью Ю.С. Савенко). *Психическое здоровье* 2018; (7): 54-61.

DOI: 10.25557/2074-014X.2018.07.54-61

Статья, продолжая полемику, начатую профессором А.А. Ткаченко [*Психическое здоровье* 2016; (11): 3-14], является ответом на публикацию вступившего в полемику Ю.С. Савенко [*Психическое здоровье* 2018; (3): 68-74]. Анализируется ряд спорных вопросов, касающихся предмета судебно-психиатрической экспертизы и судебной психиатрии, а также некоторых иных смежных проблем.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, судебная психиатрия, конвенционализм, феноменологический метод.

Дискуссия, которую начал профессор А.А. Ткаченко [1], набирает темп, развиваясь по замысловатой непредсказуемой траектории. Я включился в нее с намерением кое-что уточнить относительно конвенционализма и вовсе не собирался спорить о предмете судебно-психиатрической экспертизы [2]. Но после второй публикации моего оппонента [3] вынужден был вступить с ним в полемику [4]. Недавно к нам присоединился третий критически настроенный участник — Ю.С. Савенко [5]. Теперь приходится отвечать на его вызов.

Третий дискуссиант поднял так много вопросов, что мой ответ рискует стать слишком пространным и не уложиться в рамки журнальной статьи. Поэтому для ответа я избрал предельно сжатый способ изложения материала (нечто вроде «заметок на полях»).

1. В заголовке статьи Ю.С. Савенко фигурирует понятие «предмет судебно-психиатрической экспертизы», но начинается он ее с предмета судебной психиатрии как науки. Оба этих понятия, безусловно, тесно связаны между собой, но далеко не идентичны. Под предметом любой судебной экспертизы понимаются фактические данные, устанавливаемые экспертами путем исследования представленных им объектов и материалов и становящиеся затем судебными доказательствами. Предмет так называемых судебных наук, куда входит и судебная

психиатрия, мыслится обычно как система знаний о явлениях и закономерностях, связанных с судебно-экспертной деятельностью того или иного вида (рода, класса) судебных экспертиз¹ [6]. В расширенной редакции статьи Ю.С. Савенко, опубликованной им в другом журнале [7], оба этих понятия уже разводятся. Однако я буду ориентироваться на тот сокращенный вариант, который напечатан в журнале «Психическое здоровье» под рубрикой «Дискуссионная трибуна». В заголовке этой «краткой» статьи нашел отражение только предмет судебно-психиатрической экспертизы, что не соответствует ее содержанию.

Нельзя не отметить, что по ходу изложения материала оппонент регулярно заступает на предметную территорию других наук. Например, упоминаемая им деятельность московских «Кабинетов по изучению личности преступника и преступности» 20-х годов прошлого века была криминологической, а не судебно-психиатрической, хотя в ней и принимали участие психиатры [8]. Упоминаемую им «криминальную психиатрию» относили и к криминологии, и к криминологии [9], но частью судебной психиатрии она не была никогда. В результате понятие «предмет» теоретически у моего оппонента определенность, и порой трудно понять, какой из них конкретно он в тот или иной момент имеет в виду.

¹ Судебная психиатрия, в отличие от других судебных наук, включает в себя не только судебно-экспертную проблематику, но имеет и другие разделы: принудительное лечение и не экспертные судебно-психиатрические освидетельствования (осужденных, лиц, находящихся на принудительном лечении и пр.).

2. Ю.С. Савенко считает себя идейным преемником Н.П. Бруханского, чья судебно-психиатрическая концепция опирается на три базовые категории: личность преступника, опасность и профилактику. Но при таком понимании судебной психиатрии она вообще теряет свою предметность. Во-первых, на этапе производства судебной экспертизы нет ни «преступника», ни «преступления», так как уголовное дело еще не окончено, и не вынесен обвинительный приговор. (К тому же изучение личности преступника традиционно относят к предмету криминологии). Во-вторых, не считаются «преступниками» невменяемые, ибо в их действиях отсутствует состав преступления. В итоге судебная психиатрия сжимается до пределов психиатрического обеспечения осужденных, хотя и здесь ведущее место занимает другая медицинская дисциплина — пенитенциарная психиатрия. А на долю судебной психиатрии остается совсем немного.

Прочие составляющие судебной психиатрии оказываются от нее отлученными. За ее пределами остаются:

- а) судебно-психиатрическая экспертиза вне уголовного процесса (в других видах судопроизводства);
- б) принудительное лечение (кроме принудительного лечения осужденных);
- в) уже упоминавшиеся мной не экспертные судебно-психиатрические освидетельствования.

В последней своей статье я назвал судебно-психиатрическую предметность «ускользающей вплоть до полного исчезновения», вкладывая в свои слова иронический смысл. В концепции Н.П. Бруханского предмет судебной психиатрии, «ускользая, исчезает» без всякой иронии, буквально.

3. Правда, Ю.С. Савенко вносит коррективы и уточнения в концепцию своего идейного предшественника. Предмет судебной психиатрии он определяет как «связь девиантной и/или психически больной личности» с «деликтом и общественной опасностью», дополняемую связью «с законодательством, которое регламентирует судебно-психиатрическую экспертизу, вид принудительного лечения и профилактику». Приведенные уточнения и дополнения мало что меняют к лучшему.

Слова «психически больная личность» режут слух. Их смысл, вроде бы, понятен, но насколько они корректны в научном отношении, судить не берусь. Еще хуже обстоят дела с термином «деликт». В законе он отсутствует, а в правовой доктрине имеет сильно различающиеся между собой значения. Он может обозначать:

- а) правонарушение в широком смысле (гражданское, административное и др.);

- б) только нарушение норм гражданского права, влекущее материальную ответственность [10, 11].

В каком значении оппонент употребляет этот термин, неизвестно, но в любом случае для определения предмета судебной психиатрии предлагаемый им «деликт» явно не годится.

Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском и административном процессе моим оппонентом, кажется, не забыта, ибо он пишет о «связи» психически больной личности с законодательством, регулирующим судебно-психиатрическую экспертизу, не выделяя при этом вид судопроизводства. Однако характер увязывания первого со вторым остается не проясненным. Термин «связь» слишком широк по содержанию, имеет много возможных значений и легко наполняется разным содержанием. Принудительное лечение упомянуто почему-то только во взаимосвязи с законодательством о его видах, хотя закон регламентирует гораздо больше вопросов осуществления принудительного лечения: основания его применения (назначения, продления, изменения вида, отмены), цели и порядок применения и пр. В результате фраза о законодательстве, регулирующем «виды принудительного лечения», повисает в воздухе.

При этом чересчур многое остается неясным. Например, как могут быть связаны с «личностью преступника» (да и с личностью вообще) экспертизы потерпевших и свидетелей в уголовном процессе по поводу их способности к даче показаний? Перечень остающихся без внятного ответа вопросов можно было бы продолжить.

4. Понятию «личность» мой оппонент придает еще одно значение. Он пишет: «Понятие *личность* предопределяет индивидуальный подход, что является принципиально важным и отличает медицину и этику от юриспруденции». Читаешь такое и дивишься. А как же тогда быть с *индивидуализацией наказания*, под которой в уголовном праве понимается назначение наказания в пределах установленных законом санкций с учетом характера и степени общественной опасности преступления, *личности виновного*, а также обстоятельств, предусмотренных законом в качестве смягчающих или отягчающих? (Этот принцип нашел свое выражение, в частности, в п. 3 ст. 60 действующего российского УК). Или как быть с требованиями ст. 73 УПК РФ о необходимости доказывания по каждому уголовному делу *обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого*?

5. Ю.С. Савенко критикует меня за уклонение от «формулировок зарубежных классиков судебной психиатрии», отступление от «устоявшихся современных международных определений» и «принятых в науке правил дефинирования предмета изучения наук». Однако, на мой взгляд, предмет судебной психиатрии

зависит от национального законодательства в гораздо большей степени, чем от «формулировок классиков», «устоявшихся современных определений» и даже от «принятых правил дефинирования». В подтверждение своих слов сошлюсь на примеры.

Пример первый. В советский период многие категории юридических дел не подлежали судебному рассмотрению. К ним относились дела жилищные и пенсионные; дела, связанные с прохождением военной службы; немалая часть трудовых споров и многое другое. Из-за этого круг судебно-психиатрических экспертных вопросов был очень узок. Ситуация кардинально изменилась после принятия в 1993 году Конституции России, гарантирующей каждому гражданину судебную защиту его прав и свобод (ст. 46). В результате вопросы, ранее не подлежавшие рассмотрению в суде, стали предметом судебного разбирательства, в том числе и те, для ответа на которые необходима судебно-психиатрическая экспертиза. Вопросы, решаемые с ее помощью, количественно увеличились и содержательно усложнились, существенно расширив границы предметной области всей судебной психиатрии. Появилось немало проблем, с которыми отечественные судебные психиатры ранее никогда не сталкивались.

Пример второй. В советский период недобровольная психиатрическая госпитализация осуществлялась в несудебном порядке. Закон РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» впервые предусмотрел судебный порядок ее назначения и продления сроков. В результате психиатрические освидетельствования недобровольно госпитализированного лица сделались по своей юридической природе «судебно-психиатрическими», ибо свое заключение психиатры адресуют суду, который рассматривает его в порядке административного судопроизводства (ранее такие заключения рассматривались судом в порядке гражданского судопроизводства по правилам главы 31 ГПК).

Пример третий. Беспрецедентная для отечественного уголовного права статья 22 УК РФ (действующего с 01.01.1997 года) легализовала понятие «ограниченная вменяемость», даже несмотря на то, что сам этот термин в ст. 22 отсутствует. В результате в российской судебной психиатрии открылось новое направление. Без появления в УК статьи 22 (а такой исход был вполне возможен) «ограниченная вменяемость» и ныне оставалась бы сугубо теоретической конструкцией, по поводу которой юристы и судебные психиатры вели бы свои нескончаемые дискуссии.

Та же отчетливо прямая зависимость предметной сферы судебной психиатрии от национального законодательства наблюдается и за рубежом. В Англии

только что упоминавшаяся ограниченная вменяемость появлялась лишь на время и в сильно урезанном виде. С 1957 года, после принятия «Закона об убийствах» («Homicide Act»), она применялась исключительно по делам об умышленных убийствах и служила основанием для переквалификации «квалифицированного» убийства (*murder*) на «простое» (*manslaughter*). По другим обвинениям английская «diminished responsibility» не применялась. При этом английская уголовно-правовая доктрина исходила из того, что у «ограниченно вменяемого» не могут сформироваться те виды «преступного намерения» (*criminal intention*), которые требуются для квалификации содеянного как «murder». Эти воззрения, очень далекие от «устоявшихся современных определений», имеют многовековые корни и восходят к римскому юридическому понятию «преступного злоумышления» (*dolus malus*). Вместе с тем в уголовном праве Англии уже давно и прочно присутствует вменяемость парциальная, отсутствующая в большинстве других стран и категорически отвергаемая отечественными правоведами и судебными психиатрами.

Некоторые государства взяли курс на отказ от общей категории «гражданская недееспособность», дееспособность же заменили набором конкретных правомочий. Ряд штатов США отказался от категории «невменяемость», без чего судебная психиатрия кажется вообще невысказанной. Приведенный перечень национальных различий далеко не полон. При столь разительном разнообразии принципов и правил неуместно говорить о чем-то «признанном» и «устоявшемся» в мировой судебно-психиатрической науке и практике (к чему пытается апеллировать Ю.С. Савенко).

В результате законодательных изменений предметная сфера судебной психиатрии оказывается крайне нестабильной и динамичной. Она то существенно расширяется, занимая беспрецедентно новые области своего применения, то вдруг резко сокращается, освобождая занимаемые ею ранее предметные ниши и территории привычные контуры своих чертаний. По «устоявшимся» принципам так не живут.

6. В нашей стране проблема определения предмета судебных наук имеет самобытную историю. Еще в 70-е годы прошлого века была выдвинута концепция судебной экспертологии (общей теории судебных экспертиз) как единой науки (или системы научных дисциплин и научных знаний) о законах и методологии формирования и развития концептуальных основ всех без исключения видов судебных экспертиз [12]. Концепция нашла свое законодательное воплощение. В 2001 году вступил в действие Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Он регулирует названную деятельность

применительно ко всем государственным судеб-но-экспертным учреждениям и всем видам (родам, классам) судебных экспертиз, в том числе судебно-психиатрическим. За рубежом, насколько мне известно, ничего подобного никогда не было².

Такое понимание судебно-экспертной деятельности задает специфический ракурс ее концептуальному освоению, затрагивая в конечном итоге все частные судебные науки. В рамках экспертологической парадигмы путь к формированию предмета каждой из них пролегает через разработанные общей теорией судебных экспертиз единые принципы трансформации базовых (материнских) наук в науки судебные. Базовой (материнской) наукой по отношению к судебной психиатрии выступает общая психиатрия. Об этом важно для понимания ее предмета компоненте Ю.С. Савенко почему-то не вспоминает.

7. Он считает мое определение предмета судебной психиатрии через категорию *психических расстройств, юридически значимых в судопроизводстве разных видов*, тавтологичным и малосодержательным. «Это все равно, что ограничиться аналогичным определением предмета психиатрии: психические расстройства, имеющие клиническое значение в медицинской практике». Мне неизвестно, что такое «психические расстройства, имеющие клиническое значение». По-моему, данное выражение звучит также нелепо, как «законодательный акт, имеющий юридическое значение». Но главное, пожалуй, не в этом.

Во-первых, категория юридически значимого (юридически релевантного) психического расстройства, подразумевает его юридическую значимость, с точки зрения действующего законодательства. До 1997 года психические расстройства, подпадающие под критерии статьи 22 УК, не были юридически релевантными, поскольку ранее указанного срока не было самой этой статьи. С ее появлением появился и беспрецедентно новый для отечественного права вид психического расстройства, имеющего уголовно-правовое значение, и была легализована категория ограниченной вменяемости. Это, как я уже отмечал, имеет принципиальное значение.

Во-вторых, сама деятельность судебного психиатра направлена, прежде всего, на выявление юридически релевантных психических расстройств, определяемых по их специфическим признакам. Более того, их выявлением судебно-психиатрическая деятельность, как правило, и ограничена. Например, эксперты-психиатры устанавливают у обвиняемого психическое расстройство, подпадающее под признаки ст. 21 УК, то есть психическое расстройство, исклю-

чающее вменяемость. Эксперты рекомендуют применить принудительное лечение конкретного вида. Свои выводы они отражают в экспертном заключении. Однако признает лицо невменяемым, освобождает от уголовной ответственности и направляет на принудительное лечение не эксперт, а судья. Категория «юридически релевантное психическое расстройство» определяет тем самым границы компетенции эксперта-психиатра и пределы его полномочий. На констатации в своем заключении «юридически релевантного психического расстройства» деятельность эксперта в рамках конкретного дела, по сути, заканчивается.

Иное положение дел в общей психиатрии, где с установлением пациенту диагноза психического расстройства деятельность врача-психиатра отнюдь не кончается, а во многом только начинается. За диагностикой следуют медицинские меры (терапевтические, реабилитационные, профилактические и др.), которые применяют сами врачи в процессе оказания психиатрической помощи.

Поэтому суть дела не в том, что предложенный мною способ определения предмета судебной психиатрии, будучи экстраполированным на общую психиатрию, дает неудовлетворительный результат. Суть дела в другом: предмет общей психиатрии методологически неверно определять через механическую экстраполяцию «судебно-психиатрических» дефиниций на дефиниции «общепсихиатрические».

8. Теперь самое время вернуться к концепции Н.П. Бруханского 20-х годов прошлого века. При анализе предмета судебной психиатрии обращение к ее принципам, разработанным почти столетие назад, представляется мне методически некорректным. Во времена Н.П. Бруханского судебная психиатрия не имела даже такой важной своей составляющей, как СПЭ по делам о недееспособности. Психически больные признавались тогда недееспособными не в судебном, а в административном порядке. Предмет отечественной судебной психиатрии 20-х годов не может быть таким же, как в наши дни, ни по «судебному», ни по «психиатрическому» своим компонентам. Современных специалистов нельзя готовить по руководствам и учебникам судебной психиатрии вековой давности, даже если для своего времени они считались образцовыми.

Что же касается моего якобы «уклонения от обсуждения формулировок» В.П. Сербского и других авторов, живших и творивших на рубеже XIX-XX столетий, то не следует забывать, что в тот период процессуально-правовой институт судебной экспертизы еще не до конца сформировался в качес-

² За исключением, быть может, союзных республик бывшего СССР. В качестве примера можно привести Закон Украины «О судебной экспертизе» от 25.04.1994 г.

тве самостоятельного средства судебного доказывания. Экспертиза находилась с стадии «отпочкования» от следственного осмотра с участием специалиста, от свидетельских показаний (например, в Англии эксперт-психиатр до сих пор именуется «медицинским свидетелем» — *medical witness*) и от некоторых иных форм использования специальных знаний в судопроизводстве. Со времен В.П. Сербского и его коллег-современников многое изменилось. Поэтому их формулировки могут оказаться попросту устаревшими. Как в наши дни безнадежно устарели, к примеру, классификации психических заболеваний позапрошлого века.

9. Теперь обратимся к Карлу Ясперсу, которого я, вопреки мнению оппонента, вовсе не «игнорирую» и не умаляю его заслуг. Просто я не могу взять в толк, почему именно его идеями непременно нужно руководствоваться при определении предмета судебной психиатрии. А почему не идеями фрейдистов, бихевиористов или кого-то еще? Фрейдисту были бы гораздо более близки категории «бессознательное», «Эго», «Я» и «Супер-Эго». А, например, советский правовед А.М. Яковлев в своей криминологической работе опирался на понятие «оператного поведения» Б.Ф. Скиннера, которого он почему-то предпочел другим научным авторитетам [13]. Это был смелый шаг, ведь в СССР непререкаемыми авторитетами считались лишь классики марксизма. Незыблемость их авторитета подкреплялась так называемыми директивными документами и властными полномочиями партийно-государственных органов, правивших тогда всем, включая науку. Незыблемость авторитета Ясперса на столь мощные скрепы опереться не может. Необходимость руководствоваться его учением подана господином Савенко как нечто само собой разумеющееся. Причем, призывая всех встать под знамена Карла Ясперса, мой оппонент не утруждает себя аргументацией. Феноменология Ясперса лично ему очень близка и, по-моему, это единственное, что служит критерием его последующих суждений и оценок. Но ведь общепризнанный ныне принцип плюрализма научных мнений предполагает, что каждый исследователь свободен в выборе научных школ и ученых авторитетов.

10. Ю.С. Савенко неоднократно подчеркивает: искоренение пережитков тоталитаризма из отечественной науки он считает одной из главных своих задач. Черную кошку нелюбимого им советского прошлого он пытается отыскать в каждой комнате, в которую ему доводится заглянуть по ходу ведения дискуссии. Но борьбу с реликтами тоталитаризма почему-то предпочитает вести в авторитарном, вполне «советском» стиле.

Официальная идеология Советского Союза рассматривала всю историю научных идей сквозь призму борьбы противоборствующих направлений — материализма и идеализма, марксистской науки и буржуазной псевдонауки и т.д. Одно из них объявлялось единственно верным и прогрессивным, другие — реакционными и ложными, так что главное в непримиримой идейной борьбе — делать все для победы единственно верного учения над всеми остальными.

Ю.С. Савенко, возможно, сам того не замечая, ведет дискуссию в том же ключе, подразделяя всех исследователей и все научные направления на два враждебных лагеря. В их схватке между собой все светлое и прогрессивное тоже противостоит всему темному и реакционному. И надо, разумеется, помочь первому одолеть второе. Как? Путем отбора одобряемых им лично авторов, вдохновенного цитирования их трудов и сурового порицания несогласных. Но ведь нечто подобное мы уже проходили. 70 лет советским ученым предписывалось жить по заветам классиков марксизма. И желание снова начать жить по чьим-то заветам мне не слишком понятно.

Между тем связь выработанных философией, правом и медициной принципов, на которых зиждется современная судебная психиатрия, с политикой, идеологией, свободой и демократией далеко не столь однозначна. И счет времени здесь ведется не десятилетиями существования советской власти, а многими веками. Точкой отсчета выступает римское право. Гуманный принцип освобождения от уголовного наказания безумцев и слабоумных, из которого впоследствии выростала уголовно-правовая концепция невменяемости, является ровесником водопровода, «сработанного еще рабами Рима». И «сработан» этот гуманный принцип римскими рабовладельцами (если уж называть вещи своими именами), а не просветителями-гуманистами.

С падением Западной Римской империи невменяемость исчезает из европейской уголовной юстиции, в которой в течение нескольких веков господствует принцип объективного вменения, и возрождается вновь лишь к началу XIII столетия. Мощный импульс развитию категории невменяемости дало церковное право (через понимание вины как греховного проявления злой воли преступника, что во многом обусловило легализацию принципа субъективного вменения). При этом церковное право Средневековья гуманным и прогрессивным никак не назовешь. Достаточно вспомнить инквизицию с ее чудовищной жестокостью.

Можно привести примеры из более близкой нам по времени истории. В Германии уголовно-правовые нормы об ограниченной вменяемости впервые были введены в действие в 1934 году в ходе принятия реп-

рессивных нацистских законов [14]. Следуя прямой логике Ю.С. Савенко, немецкий уголовно-правовой институт ограниченной вменяемости надлежит упразднить раз и навсегда. И непременно объявить его пережитком мрачных времен гитлеризма, чего законодатели, правоведы и судебные психиатры современной ФРГ почему-то не делают. В своем стремлении избавиться от реликтов тоталитаризма Ю.С. Савенко временами похож не на вдумчивого исследователя, пытающегося разобраться в сложных перипетиях изучаемого им объекта, а на героя рассказа Зоценко «Режим экономии» с его незатейливыми рассуждениями о лопнувшей в туалете трубе. «Эта труба, выяснилось, еще при царском режиме была поставлена. Такие трубы вообще с корнем выдергивать надо».

11. Мой оппонент удивлен, что главу о предмете в «Руководстве по судебной психиатрии» [15] доверили писать не психиатру, а юристу. Но ведь в судебной психиатрии правовые аспекты имеют существенное значение. Взять для примера судебно-психиатрическую экспертизу. Необходимость ее назначения устанавливает следователь или суд. Они же собирают все объекты и материалы, подлежащие экспертному исследованию. Предмет экспертизы раскрывается в вопросах следователя и суда, адресованных экспертам. Ее производство детально регламентировано правовыми нормами. Экспертное заключение подлежит оценке следователем и судом, и они вправе как принять его, так и отвергнуть. И коль скоро в судебно-психиатрической экспертной деятельности юристам доверено так много, то я не вижу причин запрещать одному из них писать главу о предмете судебной психиатрии. Разумеется, эта наука включает в себя громадные пласты сугубо медицинских знаний, но на них юристы не претендуют. Мне не знакомы правоведы, берущие на себя смелость излагать учебный материал по клинической тематике — этиологии и патогенезу психических заболеваний, их диагностике, лечению и т.д.

12. Заявленный мной тезис о конвенциональном характере многих (но, повторяю, далеко не всех!) судебно-психиатрических экспертных оценок дал господину Савенко повод вести речь о моей якобы «антипсихиатрической установке». Но ведь я говорил также и о конвенциональном характере установления признаков объектов криминалистической экспертизы, в частности, объектов экспертизы холодного оружия. По логике оппонента, помимо антипсихиатрической у меня обнаруживается еще и «антикриминалистическая» установка. Да, я действительно утверждаю, что минимальная длина клинка ножа именно в 90 мм, а не 89 или 91 (в качестве одного из признаков холодного оружия) установлена конвенциональным пу-

тем [4], и я намерен настаивать на этом тезисе до тех пор, пока он не окажется опровергнутым убедительными доводами. Однако их Ю.С. Савенко почему-то не приводит.

Избранный им способ ведения дискуссии на тему конвенционализма, мягко говоря, озадачивает. Так, процитировав фрагмент моей работы, посвященный этой проблеме, он пишет: «Парадоксально, что автору такого текста А.А. Ткаченко доверил вступительные общетеоретические главы последнего руководства по судебной психиатрии». Приведенный пассаж я оставляю без комментариев. Ограничусь одним замечанием: слышать подобное от сборника прав и свобод человека (среди которых свобода слова и мнений занимает не последнее место) как-то особенно неловко.

13. Упрощение обсуждаемой проблемы, упоминание ее вскользь, а порой и невпазд — еще одна характерная черта стиля ведения полемики моим оппонентом. Так, перечислив имена тех, кто, по его мнению, сделал методологический фундамент психиатрии «научным в современном смысле слова», воплощающим «непредвзятость и беспредпосылочность» (Э. Гуссерль, Н. Гартман, К. Поппер), Ю.С. Савенко делает ошеломляюще неожиданный вывод: «Поэтому С.Н. Шишков осмеивал саму возможность независимой судебно-психиатрической экспертизы, не считая нужным продумывать, как готовить для нее почву в современных условиях».

Я не понимаю, как и каким образом разработанные кем-то непредвзятость, беспредпосылочность и научность могут служить причиной моего «осмеивания» независимой судебно-психиатрической экспертизы (которую к тому же я и не осмеивал). О каком «осмеивании» может идти речь, если иметь в виду бесспорный и непреложный факт: понятие *независимой судебно-психиатрической экспертизы в российском законодательстве отсутствует*. Любая судебная экспертиза (и судебно-психиатрическая, разумеется, тоже) должна отвечать двум обязательным требованиям — профессиональной компетентности и независимости эксперта, причем его независимость имеет процессуально-правовой смысл. Если хотя бы одно из двух условий не соблюдено, то эксперт подлежит отводу, а данное им заключение теряет доказательственную силу. Этой точки зрения придерживались *все ученые и специалисты*, усилиями которых были разработаны ныне действующие законодательные нормы, посвященные судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности.

Следовательно, моему оппоненту, пытающемуся доказать обратное, необходимо вести спор не

со мной, а с законодателями, правоведами, представителями всех судебных наук и направлений судебно-экспертной деятельности. Я вообще удивлен, почему Ю.С. Савенко нисколько не интересуется отношением к его идее независимой судебной экспертизы представителей других научных дисциплин, имеющих отношение к судебно-экспертной тематике. Его выбивающееся из общего ряда воззрение затрагивает их всех, ибо невозможно объявить «независимой» одну лишь негосударственную судебно-психиатрическую экспертизу, оставив «зависимыми» все прочие. Это некорректно не только методически, но и этически. И мне непонятно, как можно столь откровенно пренебрегать мнением своих коллег, работающих в смежных с судебной психиатрией областях судебно-экспертной деятельности.

14. Ю.С. Савенко щедро рассыпает по тексту своей статьи имена знаменитых ученых, названия философских и научных школ и направлений, отдельные философские и частнонаучные постулаты, упоминания о разномасштабных и разнокачественных событиях и фактах. Отстаивая свою точку зрения, он ссылается на «непредвзятость и беспредпосылочность» феноменологии, фальсификационизм Поппера, треугольник Фреге, «Кабинеты по изучению личности преступника и преступности», «воинственную тенденциозность» критики А.В. Снежневским и А.А. Портновым феноменологического метода, политические репрессии советского периода и многое другое. Время от времени всё это как-то «беспредпосылочно» и, на мой взгляд, несколько хаотично сводится воедино, чтобы обосновать тезис, имеющий к подкрепляющим его аргументам в лучшем случае весьма отдаленное отношение. Объединить всю эту пестроту громких имен, теоретических выкладок, исторических событий и научных фактов способен, по-моему, лишь один принцип, не слишком почтительно именуемый в науке эклектикой. В обычном словоупотреблении он зовется еще менее почтительно: «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

15. Ограниченные размеры журнальной статьи заставляют меня ставить точку. Делаю это с сожалением, ибо многое осталось недосказанным.

Оппонент завершает свою статью оптимистично и бодро: «В заключение нельзя не выразить удовлетворения открытой дискуссией, которой давно не было и очень не хватает, так как ничто так не проясняет и не продвигает вперед». Я был бы готов согласиться с этой мажорной фразой, особенно с ее началом. Но что-то подсказывает мне, что в завершающую ее часть (после слов «так как») мы с моим оппонентом вкладываем неодинаковый смысл.

Список литературы

1. Ткаченко А.А. Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина. *Психическое здоровье* 2016; (11): 3-14.
2. Шишков С.Н. «Доказуемость» и «проверяемость» судебно-психиатрических экспертных оценок. *Психическое здоровье* 2017; (6): 65-71.
3. Ткаченко А.А. Об ускользающей предметности судебной психиатрии. *Психическое здоровье* 2017; (8): 83-90.
4. Шишков С.Н. Ускользающая вплоть до полного исчезновения (ответ на статью А.А. Ткаченко «Об ускользающей предметности судебной психиатрии»). *Психическое здоровье* 2017; (11): 61-68.
5. Савенко Ю.С. К проблеме предмета судебно-психиатрической экспертизы. Отклик на дискуссию А.А. Ткаченко и С.Н. Шишкова. *Психическое здоровье* 2018; (3): 68-71.
6. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М., 1980. С. 51-52, 60.
7. Савенко Ю.С. О предмете судебной психиатрии и судебно-психиатрической экспертизы. *Независимый психиатрический журнал* 2018; (1): 19-17.
8. Титова Т.С., Сафуанов С.Ф. К истокам изучения личности преступника и преступности. Научный обзор. *Российский психиатрический журнал* 2017; (1): 52-59.
9. Антонян Ю.М. Криминальная психиатрия как частная криминологическая теория. *Советское государство и право* 1990; (10): 44-51.
10. Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 158.
11. Большая Российская энциклопедия в 30 томах. Т. 8. М., 2007. С. 471-472.
12. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические аспекты судебных экспертиз). Волгоград, 1979.
13. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.
14. Обзор уголовного и уголовно-процессуального законодательства гитлеровского правительства в Германии. *За социалистическую законность* 1934; (9): 34-39.
15. Руководство по судебной психиатрии. Ред. А.А. Ткаченко. М., 2012, с. 25-34.

References

1. Tkachenko A.A. The subject of forensic psychiatric examination and translational medicine. *Mental Health* 2016; (11): 3-14. (In Russ.).
2. Shishkov S.N. «Proofability» and «verifiability» of forensic psychiatric expert assessments. *Mental Health* 2017; (6): 65-71. (In Russ.).
3. Tkachenko A.A. On the elusive subject matter of forensic psychiatry. *Mental Health* 2017; (8): 83-90. (In Russ.).
4. Shishkov S.N. Elusive until complete disappearance (the answer to the article of A.A. Tkachenko «On the elusive subject matter of forensic psychiatry»). *Mental Health* 2017; (11): 83-90. (In Russ.).
5. Savenko Yu.S. To the problem of the subject of forensic-psychiatric examination. Response to the discussion of A.A. Tkachenko and S.N. Shishkov. *Mental Health* 2018; (3): 61-68. (In Russ.).
6. Dictionary of the main terms of forensic examinations. Moscow, 1980: 51-52, 60. (In Russ.).
7. Savenko Yu.S. On the subject of forensic psychiatry and forensic-psychiatric examination. *Independent Psychiatric Journal* 2018; (1): 10-17. (In Russ.).

8. Titova T.S., Safuanov F.S. The origins of studying criminal personality and crime. *Russian Journal of Psychiatry* 2017; (1): 52-59. (In Russ.).

9. Antonyan Yu.M. Criminal psychiatry as a special criminological theory. *Soviet State and Law* 1990; (10): 44-51. (In Russ.).

10. The Great Juridical Encyclopedia. Moscow, 2005; 158. (In Russ.).

11. The Great Russian Encyclopedia in 30 vol. Vol. 8. Moscow, 2007; 471-472. (In Russ.).

12. Vinberg A.I. Malakhovskaya N.T. Forensic expertology (general theoretical and methodological aspects of forensic examinations). Volgograd, 1979. (In Russ.).

13. Yakovlev A.M. The theory of criminology and social practice. Moscow, 1985. (In Russ.).

14. Review of the criminal and criminal procedure legislation of the Hitler government in Germany. *For Socialistic Legality* 1934; (9): 34-39. (In Russ.).

15. Manual of forensic psychiatry. Ed. A.A. Tkachenko. Moscow, 2012; 25-34. (In Russ.).

ON SUBJECT OF FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION AND NOT ONLY (REPLY TO YU.S. SAVENKO'S ARTICLE)

Shishkov S.N.

Federal National Research Centre of Psychiatry and Addiction named after V.P. Serbsky
Moscow, Russia

Corresponding author: *Shishkov Sergey*; e-mail: shishkov50@mail.ru

Funding. The study had no sponsorship.

Conflict of interest. The author declare no conflict of interest.

Accepted: 23.06.2018.

For citation: Shishkov S.N. On subject of forensic psychiatric examination and not only (reply to Yu.S. Savenko's article). *Psikhicheskoe zdorovie [Mental Health]* 2018; (7): 54-61. (In Russ.).

DOI: 10.25557/2074-014X.2018.07.54-61

The article, continuing the polemic initiated by Professor A.A. Tkachenko [*Mental Health*. 2016; (11): 3-14], is a response to the publication of entering into polemics Yu.S. Savenko [*Mental Health* 2018; (3): 68-74]. A number of controversial issues concerning the subject of forensic psychiatric examination and forensic psychiatry, as well as some other related problems, are analyzed.

Keywords: subject of forensic psychiatric examination, subject of forensic psychiatry, conventionalism, phenomenological method.